

**ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ
“ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ”
ОБЪЕДИНЁННЫЙ КАТАЛОГ
“ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ РОССИИ...”
ИНДЕКС: 26260.
НАШ САЙТ: denlit.ru**

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

ной, детей нет: берут ребёнка из детского дома, и скоро появляется – кровный.

Да вот, рядом, красивая хозяйка магазина и кафе Марина, которая вместе с продавцами сама работала и за прилавком, и убиралась. Была давно замужем и никак не рожала. Построила рядом с кафе детскую площадку, с утра до вечера дети с родителями, и пожалуйте – беременна!

Дедушка вернулся из поездки с женой Таней. Вместе они поспешили забрать дочь. Рослая Настя и Коля, чуть ниже её, шли навстречу по людной набережной.

Василиса спала у Коли на руках – он держал её перед собой так, чтобы не потревожить сна: на прямых, согнутых в локтях руках.

Юноша, бездыханно, передал из рук на руки спящую девочку, которая сразу же свернулась клубком и прижалась к отцу, не просыпаясь.

"В ближайшие лет десять у меня точно не будет ребёнка, – делилась со смехом на следующее утро Настя, как с подружкой, с дедушкиной женой Таней, пригибаясь в спине, – всё тело болит!"

Следующим вечером она уезжала. Настя махала из раскрытого окна вагона. Зазвучало "Прощание славянки", как звучит эта музыка здесь всегда, когда уходит поезд. "Посмотри на Колю", – припав к дедушке Вове, который держал на руках Василису, кивком указала Настя.

Коля сидел на выступе фундамента, не шелохнувшись. И смотрел... Как он смотрел – дедушка и молодой папа одновременно даже комок по горлу прокатил.

Так могли смотреть юноши, да и вообще люди, при разлуке годах этак в тридцатых-сороковых минувшего столетия. Кадры из фильмов тех лет вставали перед глазами: на войну провожали, на освоение земель!.. С глазами, полными слёз.

Какая там подготовка к экзаменам, ЕГЭ?! Всю зиму Настя просидела в скайпе, общаясь с Колей. Раза три он

приезжал.

Настя всё-таки польстилась на очередное предложение и вышла на podium в торговом центре "Европейский". Её подучили специально ходить, откинувшись назад, чуть выставив надменно подбородок. И уж не Настя, вроде, кроме точёной схожести! Видео и фото тотчас выложили в интернет, и опять пошли звонки из модельных агентств. Коля сказал: "Нет". И всё – всем наотрез!

В институт Настя поступила на заочное: прошла собеседование, сдала документы и умотала в Феодосию.

А ранней осенью была свадьба. Вдумаете жениться, друзья, или выдавать замуж (женить) детей – играйте свадьбы в Крыму! Сюда и родственники съедутся отовсюду: море!

Лучше сделать это осенью, когда жильё почти ничего не стоит, рестораны и кафе ещё работают во всём изобилии, а посетители крайне мало: вам так будут рады, и прекраснейшие застолья вам обойдутся если не в гроши, то около того.

Съёмки, снимки свадьбы Коли и Нasti по сей день летают по интернету! Вот молодые танцуют, изыщные, складные. Ещё снимок: во дворе Канзанского собора дедушка со своим помостом: на коленях маленькая Василиса, вокруг, в три ряда, дети, внуки – гвардия!

А вот – венчание: молодые со свечами, юные, красивые, вдохновенные! Здесь видно, что Коля и Настя, как это бывает, когда люди долго живут друг с другом, похожи. Тонкие, прямые черты. Взгляды устремлены вперед, ввысь, в грядущее. Молитва в его глазах. В её – космос.

Стали Настя с Колей жить-поживать и то, о чём раньше только говорились, принимало формы реальных проблем. Разные гражданские принадлежности. Сунулся в больницу – полиса нет. А ведь беременна! Вид на жительство – через год. Через пять украинское гражданство. А детский садик? А школа? А работа?

И всё бы оно ничего, проблемы решались. Но в столице Украины, в городе Киеве, на Майдане, вспыхнули автомобильные покрыва, стали чиниться баррикады, возникали перестрелки. И пошли угрозы. Требования. Да какие – русский язык надо забыть! Не хочешь – враг, смерти достойный. Забудь вообще, что русский.

Хорошо: подчинились, всё забыли. Но ведь Крым живёт, принимая отходящих из России. Не поедет Россия – а она при таком положении дел не поедет – к осени зубы на полку, а к весне? Ложись и помирай, что ли? Да в своём ли вы уме?!

Меж тем на Майдане уже были убийства, раненые. Пропап куда-то президент, пришли иные люди. Папа – отец мужа – называл их временного президента "мальчик на горшке". Было смешно: как ни покажут, он всё тужится. И через сомкнутый ротик всё грозит.

Двор с двухэтажными домиками, где находилась дедушкина квартира, напоминал сцену. В эти дни немолодая соседка привезла из-под Львова свою престарелую маму: совершенно ослепшую. Днями соседка выносила стул во двор и усаживала на него маму, чтобы та дышала свежим воздухом. Старуха плакала слезными глазами, приговаривая, как она счастлива, что её увезли от Бендеры. "Бендеры, там опять Бендеры! – пыталась что-то важное объяснить бабушка. – Бендеры убили моего папу, убили дедушку. А мой муж тоже был Бендера, и нам жизнь испортит, и сам сгинит..."

У Нasti была сессия. Она уехала в Москву. Скоро прибыл и Коля. Пожаровал в Москву, к сватам, и Николай старший: он привёз "ювелирку" на выставку, которая проходила в ВВЦ. "В последнее время я ложился спать: рядом клал ружьё, пятазарядное. А же не давал пистолет. Воздушный, маленькими пулями стреляет, но глаз можно выбить. Если у нас начнётся – а у нас начнётся! – к первому прибежит ко мне! Сейчас уехал, пистолет у

жены, а с ружьём сын, Сашка!"

Теперь уже на площади в Симферополе были стычки. Пламя Майдана грозило перекинуться в Крым: "Мы – не Киев! – сжимал кулак у экрана телевизора Николай-старший. – Мы бендеровцам не дадимся!"

Буквально на следующий день ювелир взывался от радости, не таясь, смахивал слезу восторга: вокруг Крымского Дома советов было пустынно, журналисты сбивались с толку, пытались найти ответ: что за люди в камуфляжной форме с раннего утра объявились внутри парламентского здания? "Очень вежливые люди", – с поразительной точностью отрекомендовал один из парламентариев таинственных пришельцев.

Коля-старший улетел, оставив дела на сына. Ещё через день-другой дедушка Вова увидел машину своего горячего родственника в телерепортаже. С десятком автомобилей с российскими флагами трогались с площади от вокзала в Феодосию. Двигались колонной по округе и уже к Коктебелю вереница была машин в триста. ГАЗ-69 – невозможно было не заметить. Он катился по феодосийской земле как вестник из послевоенной победоносной эпохи!

Трудно сказать, какая борьба шла в душе молчаливого, внешне анемичного Коли-младшего, только Настя оповестила: "Мы с Колей поедём".

– Куда? Там вот-вот может разразиться война! Тебе рожать!

– Рожайте и на войне, – была спокойна Настя.

Беременность шла хорошо. Ребёнок позволял родителям решать их общие вопросы.

Тимофей обладал большей силой, чем папа с мамой: он ещё не покинул мира вечного, откуда наделяется душой зачатый человек, и ещё не пришёл в мир тленный.

Предки: землепроходцы сибирские, казаки донские, белорусские крестьяне, солдат из армии Василия Долгорукова Крымского, взявшего приступом

город Кеффе (Феодосия), в то время крупнейший мировой рынок торговли невольниками, в основном из славян, – все они были с ним, наполняя дарованную душу.

Небесная рать явилась к плоду человеческому, в материнском лоне оказавшемуся на меже: границ, политики, национальных интересов, здравого смысла и чудовищной людской прожорливости.

В итогах крымского референдума не сомневались даже недруги. "Эйфория, все живут в эйфории!" – Николай-старший вновь приехал в Москву с партией товара.

Общественная эйфория добавляла семьям в Москве и в Феодосии душевного подъёма в ожидании рождения ребёнка. Также готовились к Пасхе. Пасха в этом году попадала на двадцатое апреля – день рождения Коли-младшего.

В шесть утра у Нasti начались схватки. В десять, в День Святой Пасхи и в день рождения своего мужа, Настя родила.

Дедушка с маленькой Василисой добирался в обновлённый Крым на перекладных: поездом, автобусом, паромом.

Над входом в их старенький двор развевался российский флаг. Во дворе сидела седая старуха с бельмами вместо глаз. Соседка, увидев москвичей в окно, выбежала навстречу с приветствием, с гордым рассказом, что это она, уроженка львовщины, подрусила стяг! И как рада всем переменам её маме, ослепшая от горя, которое чинили бендеровцы.

Пока дедушка, папы Василисы, разбирался в доме с вещами – ребёнок исчез. Папа Василисы выскочил во двор – четырёхлетняя девочка старательно расчёсывала бабушке редкие слюдяные волосы. Та улыбалась провалившимся ртом в совершенном блаженстве.

– Ты посиди, – строго сказала Василиса, – а сейчас резинки принесу, тебе хвостики сделаю.

Так старуха и просидела полным в счастье до вечера: с кисточками над ушами.

Настю, как маму здоровую, продержали в роддоме всего два дня. На пороге встречали её крымские и московские родственники – граждане одной страны. "Христос Воскресе!" – улыбулась ей навстречу папа Коля. "Воистину Воскресе!" – улыбнулась сквозь слезу и она.

Младенец Тимофей смотрел очень внимательно, приветливо, с лёгкой и снисходительной улыбкой: как взрослый человек – на детишек.

Крестины проходили в старинном, пятнадцатого века Иверском Храме, что возле древних башен Генуэзской крепости. Батюшкой был отец Леонид. Мягкий, улыбающийся: даже в самые серьёзные минуты улыбалось лицо его. "Так решил Тимофей", – завершил задрывную речь прадедушка Вова. И просветлённый, с бородкой китайского философа священник Леонид, и крутой дед Коля, и многие гости потворяли, словно давалось откровение: "Так решил Тимофей!"

После доброго пиршества люди вышли на берег. Николай-старший, наконец, дал желанного шороху! Им были приготовлены целые закрома пиротехники: трещало, взрывалось, небо сияло в россыпях. Василиса бегала в отблесках огней кругами и вдруг упала с разлёту.

Папа Вова подлетел к ребёнку. Поднял, стал дуть на пораненное колено: "Василиса, – говорил он в сердцах, – почему ты постоянно в садахнах, постоянно в синяках?!" И ребёнок ответил: "Потому что я сильная. А сильные не знают, что они падают".

Вздрагивало от канонады пространство. Море играло бликами. И на лицах был играющий свет.

Тимофей смотрел на веселящихся взрослых людей всё с тем же покоем и великодушием, как смотрел бы, например, Создатель на неразумные свои чада.

***

Война случится, и, положим, в среду. Положим, что Шестая мировая. И я, пожалуй, загоня уеду. Дождавшись 31-го трамвая. И порох ляжет запахом на ели, и по команде, скажем, исадмина Натасканные кокер-спаниели Найдут в подвале залежь кетамина. И будет раздаваться канонада. И цвета хаки мчат велосипеды. И мордами поблёскивать торпеды, Всплывая пузырьками лимонада. И два матроса – Павел и Ерёма, Как хищники удачливы и ловки, – Достанут из оконого проёма Гранаты и тяжёлые винтовки. И город полнет на две половины И истины, что будут безусловны: Одни, допустим, в знании невинны. Другое – по незнанию виновны... И город станет строить баррикады, И запасаться йодом и бинтами. А в пятицук, сквозь облако блокады, Маяча разноцветными бантами, Пройдёт, допустим, девочка живая Походкой неуверенной и шаткой. И вслед ей, начинённая брусчаткой, Пещерным эхом ахнет мостовая. И город, сев на антидепрессанты, Украсит транспарантами аллеи. И с неба будут падать диверсанты, Как листья с пожелтевших топей...

***

Казалось, целый день до сентября, И жизнь моя длинна и безголова. И если я выдумываю слово, То Бога нет, нечестно говоря.

Десятый год. Седьмое января. Весь день – воспоминание былого. Наутро смерть приятеля Крылова. Метель. Цветы. Лицо из янтаря. 2-ое. Март. Коричневый альбом. Два призрака на бледно-голубом Невнятном фоне. Яркая зарница. Косые звёзды. Запахи весны. Сияют световоры. Сняты сны. Мне ничего давно уже не снится.

***

Я вырастаю из старых вещей, Корни пускаю до мокрых пелёнок: Что пригорюнился, братец Кошеч? Не узнаешь? Это я – Нахалёнок. Видишь – вот сабля, вот цепь на суку Старого дуба в осиновой роще...

Роман НЕНАШЕВ

Сколько кукушка отмерит "ку-ку"? Не угадаешь... Тебе-то попроще: Спрятал яйцо – и живи, будь здоров. В жизни не так: всюду тесно, как в срубе. Не оглянувшись на стук топоров,

И разбивали историю клином То ли на вехи, то ли навахо.

То ли меня круговые поруки Жалили жадно, как змей-искуситель, Только навстречу протягивал руки То ли спасатель, то ли Спаситель...

***

Наверно, каждый в возрасте Христа руками ищет неба и опоры.

То ли Спаситель, то ли спасатель...

Не угадаешь того, кто зарубит... Впрочем, неважно... Яга-то жива? Кстати, она – под прицелом сатиры. А у меня проросла трын-трава, Ты не поверишь – до окон квартиры! Люди смеются, а мне всё равно. Пусть себе ищут в других гегемона. Часто у нас принимают рядно, Будто шелка от царя Соломона... Ладно... Царевич, Царевич-то где? Дети остались от первого брака? Только подумать... А впрочем, везде: Вырос, женился и умер от рака... Как там Илюша? Как меч-кладенец? Как наш Иванушка? Всё при невесте? Надо же... Вроде счастливый конец: Ты вроде умер, они вроде вместе. Знаешь, Бессмертный, везде – всё не то. И не поймёшь – то ли явь, то ли снится: Вроде провеешь себя в решето, А вырастает сорняк. Медунница...

***

Вытащил, спас, обрив на ходу: "А... Это ты... Горемыка-писатель..." Кто это был? До сих пор не найду – То ли Спаситель, то ли спасатель.

То ли меня отмолили слезами И возвратили в родные пенаты Добрые звери со злыми глазами – То ли еноты, то ли юннаты.

То ли боялся кипящего ада, Где чертенята доносы клепали, И напоследок молящих: "Не надо..." – То ли отпели, то ли распыли...

То ли кричали: "Лама савахфани" – В Тартаре гулко бедняги-титаны, Или цвели во дворе тёти Фани То ли бутоны, то ли бутаны.

То ли татары брели по долинам, Потчуя встречных кумысом и страхом,

А воздух лихо всаживает шпоры промежду рёбер. И трудней достать всё то, чему название – химера (ребёнок древнегреческой четы). А если рядом рушатся мечты, то выглядишь так, будто... Для примера: ты строишь "вечный двигатель". В труде не замечаешь скачущие годы, капризов переменчивой погоды, серебряные нити в бороде... Ты с головой уходишь в чертежи, любовно точишь мелкие детали; И вера будет прочнее стали. И время заготовило ножи... И вот момент: торжественно-суровый, идёшь в НИИ. А там порядок прост: "Проект несостоятелен". Вопрос: – Как чувствуешь себя?

Ответ: – Херово. Настолько, что почти не описать. Но пробую, поскольку где-то слышал (а может, так... навеянное выше...): История – вращение колеса.

Ну, то есть – повторение историй один в один, с начала до конца. Ну, можно образно: из рамок подлеца тебя не выпустит кривая траекторий, начерченных в начале тех времён, когда Земля ещё была (и будет) молекулой, замешенной на чуде того, что носит тысячи имён. А значит, снова будут те же лица. И "двигатель". И пиво жарким летом. И кладбище. История на этом закончится... И снова повторится.

Вы можете твердить: "Плохой пример". Но что – теологические споры тому, кто ищет неба и опоры. Хотя бы в основании химер.

***

Я подарю тебе милое стихотворение, Только подруга-судьба совершит поворот:

В нём будет всё обо мне

и процессе старения. В нём будет всё о тебе, только – наоборот.

Будут свистеть и выплывавать зимние праздники. И сквозь вьюгу кричать: "Повезло".

Но не сегодня – сегодня минуты-проказники Будут куда-то спешить.

И кому-то назло

Станут вращаться быстрее барабаны истории,

Снова и снова выбрасывать тот же билет: Мне до подъезда, тебе по своей траектории, Что параллельна моей уже тысячу лет.

Если с ума не сойти от такой географии, То уж старуха-тоска до костей загрызёт. Скоро фотограф проявит твои фотографии: Ты – это ты. Ну, а я – это как повезёт.

Знаешь, наверно, прямые когда-нибудь сходятся – Если на них неотрывно, до боли, посмотреть... Может, и нас перекрестит с тобой

Богородица, Сдвинув маршруты и оси на целую треть.

Перечеркнувши законы российской грамматики,

Точку поставит, как точки опоры в пути, Нам, оказавшимся рядом

в такой математике, Где параллели не сходятся, как ни крути.

Если же нет – я пройду через все ударения, Стану окружностью, выгнусь, нащулаю брод!.. Я расскажу как-нибудь тебе стихотворение: В нём будет всё о тебе, только – наоборот...

***

В цирке львы и акробаты, Смех, и тьяканье борзых. В цирке клоуны горбаты И увечны на язык.

Жмутся зрители друг к другу, До упада хохоча, Ходят хищники по кругу Под ударами бича. Маг из воздуха и плоти Прячет зайца под тюбан; И отчаянно колотит Дрожь дырявый барабан. Там горбун из Нотр-Дама Мчит на заднем колесе,

И речками приплыл, минув море, Ко мне на Ледовитый океан.

Юрий БАРАНОВ

От моря Бедствий до горы Побед...

А помнишь юность в Чехах, старая ласка?.. Но умолчим, не выдадим секрет. А как забудешь чары польской пани,

Балтийский ветер в кудрях золотых, И белорусский лес,

и синий снег, и сани, И голубой платок, и белый стих. Да, белый стих.

Не только, впрочем, белый. Но всё равно – такое волшебство! Славянский стих соединит пределы И выявит всё наше существо. В миллионный раз докажет:

не бытает нам, Ни Западом, ни Югом не бывать, И как бы ни ершились мы,

но – братья, И друг от друга нам не убежать. Полмира мы. Да где ещё видали Такое солнце вы? Нигде такого нет.

И наши дали, дали, дали, дали – От моря Бедствий до горы Побед.

МОСКОВИТЫ

С былых времён мы звались москвиты

(У нынешних соседей – москали), Мы – с Волги, с Дона,

с Северной Земли, на пол-Азии разбросаны,

размыты, Но где б ни жили,

всё равно мы – москали. Американец есть, не "вашингтонец", Про англичан никто не говорит

"Эй, лондонцы", и словом "брюсселит"

Бельгийца никогда не назовёт японец,

Но каждый русский, всем известно, – москвит. Точней сказать –

все, кто живёт в России, Ведь москвит – "всяк сущий в ней язык".

Проверил это бусурманский штык; Пред нашей прочностью московской он бессилён,

Хоть разделять и властвовать привык. Москва насковзь пропитана Россией,

Ну, а Россия вся пропитана Москвой. Никто не справится с конструкцией такой,

Как на болотах бы враги бы голосили, Как ни звенели бы заморское деньгой.

АВТОПАРОДИЯ

Сто грамм нектара засадил с утра, Заел амброзией,

лёг поперёк дивана.

С богинями всё то же, что вчера: Венера ластится,

но я хочу Диану. В блокноте пять незавершённых строк,

В буфете три недопитых бутылки, А в холле

приготовлен альпеншток, Чтoб трoцким

продырявливать затылки. И всё же –

пять незавершённых строк, И всё ж – пора заканчивать

"Частишки". Тем более, что был я приглашён Их прочитать –

и больше чести нету! – Омар Хайям и Франсуа Вийон

Приедут к нам на фестиваль поэтов. ..Нет, к чёрту! От Дианы SMS!

Я от волнения чуть не выронил мобильник: "Твоя взыла.

В меня вселился бес. Готовь постель.

И – водку в холодильник".

Мини-поэма

Фрагменты из истории США

триста головорезов, злобных и нищих, высадились на чужой цветущий континент.

Первое, что они сделали с папского благословения, но без человеколюбивых затей, – **вырезали – поголовно! – местное население, включая стариков, женщин и детей.**

Позже мировому общественному мнению они сообщили, что вырезали всего миллиона три, тем более, что коренное население – суть кровожадные, жестокие дикари.

Затем – багровое небо над Африкой, стон изнасилованной, разграбленной земли... это янки по жуткому бизнес-трафику пригнали к побережью

невольничьих корабли. Теперь уже негров не возят в трюмах. Но! У белых на чёрных всё тот же взгляд: и сегодня

из 1000 американцев в тюрьмах – негров и "латинос" – 950!

118 тысяч сгорело живо японских детишек, женщин и стариков.

И! Подогнав авианосцы с "Кобрами" на палубах, эти пропагандисты миротворческих идей **выгнали фосфором и напалмом вьетнамских стариков, женщин и детей.**

Афганистану, Ирану, Ираку, Ливану янки продемонстрировали "американскую мечту"...

Сегодня имеют все эти страны кровавый хаос, распад и нищету.

Навязывающие "демократию" всему свету, за какие-нибудь последние 200 лет – дюжину собственных президентов запросто отправили на тот свет.

Стреляют они и России в спину. Но все их планы всё мельче и глупей... Например, – "ридинукати Украину" натравливать на "клятых москалей".

Конечно, хищник не так уже страшен, и, может быть, напасть не готов... **Но всё же необходимо, чтобы подлодки наши несли дежурство у дальних берегов.**

КОРЕННЫЕ РУССКИЕ ОЩУЩЕНИЯ

Всё хреново, хреново, хреново. Хоть убейся. Но слёзы не лей. Завтра вспыхнет прекрасное снова Над прекрасной страной моей.

Снова золотом вспыхнут берёзы, Сосны – бронзой и охрой – ольха

На равнинах невиданной прозы И первейшего в мире стиха.

По-над Волгой, в Москве, на Урале